

III

Рассматривая вопрос о влиянии субстрата на славянские языки (и диалекты)¹, мы установили некоторые общие принципы, которые надо учесть при изучении сложных проблем, связанных с действием этого фактора.

Прежде всего, объяснение при помощи субстрата допустимо лишь в том случае, если в нашем распоряжении имеются данные, свидетельствующие о наличии коренного населения на территории, занятой впоследствии другими племенами (или народностями). Особенности языка автохтонного населения можно установить непосредственно или через посредство родственных языков и наречий, сохранившихся до сих пор.

Как и *адстрат* или *суперстрат*, влияние *субстрата* не следует рассматривать как механическую форму воздействия одного языка на другой. В условиях *билингвизма* — без которого, собственно говоря и немислимо влияние одного языка на другой — субстрат может вызывать, но и только ускорять внутренние тенденции развития, характерные для данного языка.

Нет индоевропейского языка, который не смешался бы с языками коренного населения. Одно время некоторые языковеды, исходя из неправильного отождествления речи с расой, утверждали, что германские языки, напр., сохранили свою чисто протоиндоевропейскую систему благодаря тому, что предки древних германцев якобы не смешались с прежним населением. Известно, однако, что некоторые новообразования, специфические для германских языков, могут быть объяснены только при помощи субстрата. Так объясняют, напр., передвижение согласных А. Мейе, Т. Э. Карстен, З. Файст, Д. Дечев, Х. Гюнтерт, Ф. Риббеццо и др., несмотря на то, что пока еще не удалось определить этническую принадлежность населения, на которое наслоились индоевропейцы — германцы². Впрочем, то же самое следует сказать и о «средиземноморском субстрате», который будто бы повлиял на латинский, греческий, испанский, румынский и албанский языки³.

Действительно, в образовании индоевропейских языков большую роль принадлежит субстратам, различным на различных территориях⁴.

¹ И привлекая, в известной степени, также другие данные.

² Германское передвижение согласных многими языковедами объясняется воздействием субстрата, несмотря на то что для него имеются аналогии в армянском, хеттском, тохарском, фракийском и осетинском. По мнению В. И. Абаева (*ук. соч.*, стр. 515—516), причину первого передвижения согласных в германских и соответствующего явления в осетинском следует все же искать в субстрате. То же самое можно сказать и относительно хеттского.

³ См., напр. В. ЧИХАРЖА, *Характерные черты средиземноморского субстрата*, «Сообщения чехословацких ориенталистов», Москва, 1960, стр. 107—118. Критику этой концепции см. у В.Л. ГЕОРГИЕВА, *La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne*; его же, *VII Международный конгресс по ономатическим наукам*, «Български език», XI (1961), кн. 3, стр. 271—276.

⁴ Результаты такого контакта ощутимы во всех сторонах языка, в том числе в семантике, идиоматике, а также в психологии, нравах, народном творчестве и др.